

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МИКРОСЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

© 2008 г. М. И. Воловикова

Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва

Изложена история создания А.В. Брушлинским микросемантического анализа. Обобщены приемы, описаны основные достижения и возможные перспективы применения данного метода.

Ключевые слова: микросемантический анализ, психическое как процесс, психология мышления, личность, психологическая переменная, психологическая константа, операционная схема сравнения, “помысел”.

В одной из последних работ Андрей Владимирович Брушлинский определяет микросемантический анализ как “качественно-количественный, континуально-генетический” метод, направленный на изучение мышления как непрерывного (“недизъюнктивного”) процесса порождения мысли [4, с. 137]. В основе данного подхода – предположение ученого о том, что непрерывность и преемственность психического означают обусловленность каждой последующей стадии его развития предыдущим этапом, когда “любая его последующая стадия может сформироваться лишь в том случае, если ей предшествует в качестве ее внутреннего исходного условия другое, пусть менее сложное, но обязательно тоже психическое явление” [там же].

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МЕТОДА

Термин “микросемантический анализ” впервые появился в середине 1970-х годов в работах А.В. Брушлинского, посвященных экспериментальному исследованию мышления [2, 5]. Возможности его применения связаны с пониманием мышления как *процесса* – всегда творческого, развивающегося, формирующего внутри себя причины своего развития. Такое понимание мышления основывалось на работах С.Л. Рубинштейна и его учеников, одним из которых и был А.В. Брушлинский. Рубинштейн теоретически, а затем экспериментально вывел и подтвердил положение, согласно которому “в самом процессе мышления создаются внутренние условия для его дальнейшего развития” [17, с. 13], “результаты мышления сами включаются в него как предпо-

сылки его дальнейшего хода и становятся средствами дальнейшего анализа” [там же].

Экспериментальные исследования мышления, проведенные под руководством Рубинштейна, их теоретический анализ были представлены в конце 1950-х годов в двух книгах (ставших к настоящему времени библиографической редкостью) [17, 18]. Позднее некоторые из материалов проведенной тогда серии экспериментов опубликованы в книгах его учеников: К.А. Славской (Абульхановой), А.М. Матюшкина и др.

Работа Брушлинского того периода была посвящена роли анализа и абстракции в познании количественных отношений [17]. Кроме объективных показателей процесса анализа числовых отношений (в ходе выполнения ребенком счетных операций) автор выделял и другие действия испытуемого со стимульным материалом (процесс раскладывания специально подобранных карточек, классификация и т.п.), отмечая, что “значение имеют и различные высказывания ребенка во время эксперимента” [17, с. 76]. В дословном цитировании протоколов эксперимента и их последующей интерпретации можно проследить истоки микросемантического анализа, оформившегося в научной школе Брушлинского почти двадцать лет спустя.

В 1970-х гг. А.В. Брушлинским была поставлена и в значительной степени реализована задача воссоздания и продолжения начатых С.Л. Рубинштейном исследований мыслительного процесса, основные результаты которых были изложены в авторской книге “Мышление и прогнозирование” [2] и коллективной монографии “Мышление: процесс, деятельность, общение” [16].

Отправным пунктом для увеличенного “под микроскопом” анализа микроизменений речи послужила для Брушлинского идея Рубинштейна о связи движения процесса мысли и ее речевой экс-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-03-02092а “Идеи и идеалы России в истории и современном мире”).

пликации [17, 18, 22]. В новой серии экспериментов, выполненных под руководством А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, Б.О. Есенгазиевой и др. [16], одно из основных значений приобретает сам анализ протоколов решения, получивший в середине 1970-х годов название “микросемантического”.

Основным условием микросемантического анализа является выделение в тексте моментов переформулирования в ходе рассуждения испытуемым высказываемых мыслей. Исходным здесь служит понимание тесной, неразрывной связи мышления и речи, идущее от Рубинштейна, отмечавшего, что “процесс облачения мысли в слова есть процесс развития и более содержательного определения самой мысли” [19, с. 112].

Брушлинскому удалось выявить микродвижения мысли испытуемого от одного этапа решения к другому. Детальный анализ позволил обнаружить моменты особой интенсивности развития мысли, получившие название “немгновенного инсайта”.

Анализ демонстрировался автором на конкретных примерах записей “мышления вслух”, по поводу предложенной в эксперименте задачи (либо нескольких задач). Проводилась нумерация высказываемых испытуемым мыслей, учитывались паузы, семантическое построение фраз, в результате чего было выявлено наличие инсайта, протяженного во времени – *немгновенного инсайта*. Так, в книге “Мышление и прогнозирование” А.В. Брушлинский приводит конкретный пример инсайтного развития мысли, обращая внимание читателя на то, что в первой фразе у испытуемого еще нет явных признаков предстоящего инсайта, а затем “во время небольшой паузы и во второй фразе этот инсайт начинается...” [2, с. 135]. Автор показывает на примере решения задач, основанных на физическом законе конвекции, как испытуемый учитывает новые, ранее не рассматриваемые им причины горения – угасания свечи и отмечает, что “здесь весьма характерна сама семантическая конструкция второй, третьей и четвертой фраз, т.е. характерно, что именно упоминается вначале, а что потом” [там же]. В данном случае упоминание “новых причин” до того, как сами эти причины названы испытуемым, свидетельствует о том, как формируется его мысль – сначала общая идея (“предвосхищение искомого”), а затем конкретные механизмы, реализующие эту идею. “Включение познаваемого объекта в новую систему отношений и начинающееся благодаря этому выявление его в новом качестве сразу же открывают как бы новую перспективу или направленность мышления в процессе искания и открытия до сих пор неизвестных, но существенных свойств объекта (ранее не учитываемая роль конвекции в горении и угасании свечи).

Именно эта новая система связей обеспечивает существование новое направление всей мысли индивиду” [там же]. Анализируя ту часть протокола решения мыслительной задачи, которая характеризуется особенно интенсивным развитием мысли испытуемого, Брушлинский делает вывод: “Следовательно, можно предположить, что в форме такого немгновенного инсайта мысль испытуемого начинает возникать и затем постепенно *формируется* в течение нескольких секунд как бы на наших глазах (она именно формируется, а не просто формулируется)” [2, с. 127].

Стремление *увидеть* процесс формирования мысли является, возможно, самой характерной особенностью микросемантического анализа. Подчеркнем, что вся предшествующая работа – подготовка самого эксперимента (анализ психологической структуры задачи, варьирование формулировок, подбор подсказок), подробный анализ с целью определения по высказываниям испытуемого изменение направленности его мысли, выделение моментов рассуждения, напрямую не связанных с задачей (так называемые “уходы” от решения) – помогают находить и анализировать яркие (инсайтные) моменты развития мысли. В данном конкретном случае этот анализ помог ученому сделать вывод о закономерностях процесса прогнозирования искомого.

В нашей работе этого периода с помощью применения микросемантического анализа было выявлено, что специфически познавательные мотивы формируются в самом мыслительном процессе, являясь в то же время и предпосылками его самодвижения, саморазвития [8]. Б.О. Есенгазиевой с помощью микросемантического анализа была раскрыта взаимосвязь психологических и логических характеристик мышления и сделан вывод о том, что существуют разные способы включения силлогизмов в живой процесс мышления. Типология этого включения в мыслительный процесс “определяется уровнем расхождения, несовпадения между открытием существенно нового и его логическим обоснованием (доказательством)” [13, с. 137]. В одной из последних экспериментальных работ, выполненных под руководством А.В. Брушлинского, рассматривалась проблема соотношения результатов тестов с характеристиками мыслительного процесса (см. [3]). К этой теме Брушлинский возвращался неоднократно. Применение микросемантического анализа позволило сделать вывод о принципиальных различиях результатов тестового обследования и результатов анализа мышления как процесса: «При тестовом обследовании фиксируется лишь “ответ”, а мы можем заметить, что мыслительный процесс нельзя свести к выбору ответа. Человек ищет и находит решение мыслительной задачи не по принципу выбора из альтернатив, а на основе строго определенного, непрерывного, но не рав-

номерно фиксирующегося прогнозирования искомого» [3, с. 32–33].

Глубинные связи мышления и личности, мышления и общения, закономерности интерпретации текста были исследованы в работах учеников Брушлинского также с использованием приемов и достижений микросемантического анализа [6, 20, 21].

ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ МИКРОСЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Микросемантический анализ является, прежде всего, анализом *речевой продукции* при решении мыслительных задач того или иного рода: как математических, физических и т.п., так и нравственных, житейских. Его применение в различных областях психологии означает рассмотрение анализируемой ситуации в терминах решения задачи – жизненной или какой-либо иной. Анализ включает в себя следующие основные моменты:

- выделение психологической структуры мыслительной задачи (что можно считать решением, какие проблемы психологического характера содержатся в задаче, что является ее основным отношением);

- вычленение операционной схемы сравнения, которой пользуется испытуемый;

- выделение психологических переменных и константных образований в мыслительном процессе;

- анализ роли и значения пауз, семантического построения фраз, грамматической неправильности речи и т.п. (в случае анализа *письменного* текста – учет зачеркиваний, исправлений и т.п.)

- выделение всех малейших переформулировок испытуемым условий и требований задачи, поиск направленности этих изменений;

- определение этапов анализа задачи и их качественной специфики.

В той или иной степени приемами микросемантического анализа овладевали все, кто прошел “школу” А.В. Брушлинского. Школой ее можно назвать и в прямом смысле слова, поскольку происходил процесс обучения: тщательно спланированный и ответственный. После нескольких лекций о подходе к мышлению как процессу на примере соотнесения текстов протоколов экспериментов и уже сделанного анализа этих протоколов ученику (аспиранту или соискателю) демонстрировались особенности и приемы микросемантического анализа. Затем наступал следующий (и обязательный) этап – параллельный анализ одного и того же текста учеником и учителем. Далее следовало обсуждение возникших вопросов при соотнесении этих анализов, после этого – возвращение к самостоятельному анализу текста, повторное обсуждение результатов и

т.д. Необходимо отметить, что Брушлинский всегда поддерживал познавательный интерес обучаемых к микросемантическому анализу, что существенно помогало в овладении этим весьма трудоемким делом, когда на страницу текста протокола приходилось (в зависимости от интенсивности анализируемого мыслительного процесса испытуемого) от десяти и более страниц анализа. По его замечанию, для освоения метода требовался относительно длительный опыт работы. Так сам Брушлинский посвятил микросемантическому анализу более 40 лет жизни и, несомненно, достиг в его проведении виртуозной точности.

В качестве одной из перспектив дальнейшего развития этого метода Брушлинский видел его операционализацию и отчасти переход к математическим приемам обработки полученных с помощью микросемантического анализа данных.

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ПРИМЕНЕНИИ МИКРОСЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С помощью микросемантического анализа (или семантического микроанализа) А.В. Брушлинский был открыт феномен *немгновенного инсайта*, показан *недизъюнктивный* характер мыслительного процесса.

Микросемантический анализ открывает возможность рассмотрения взаимосвязи мышления и личности на процессуальном уровне – в динамике, изменении и взаимозависимости, позволяет выделять в тексте моменты, связанные с личностными особенностями субъекта (уверенность–неуверенность, настойчивость в достижении решения, “уходы” от решения и т.п.).

Дальнейшим усложнением экспериментального материала, подвергающегося анализу, стало использование задач, касающихся лично значимых тем.

Микросемантический анализ оказался незаменимым при исследовании процесса решения нравственных задач. В работе, выполненной в начале 1990-х годов Л.В. Темновой под руководством Брушлинского, было отмечено: “Свою задачу мы определили так: изучение особенностей решения человеком нравственных задач, содержащих ситуацию морального выбора” [7, с. 47]. В одной из предложенных задач спрашивалось: “Следует ли оставить в законодательстве в качестве высшей меры наказания смертную казнь?”, при этом анализу подвергались лишь ход рассуждений и аргументация испытуемых, а не полученный “ответ”, так как единственно верного решения в задачах такого рода нет². В то же время применение дан-

² Сам А.В. Брушлинский был принципиальным противником смертной казни.

ного метода было бы невозможно, если бы “ответа”, т.е. своей точки зрения на проблему, не было у самих исследователей. Его нетрудно найти в тексте: “...не вызывает сомнения тот факт, что для честного человека нет выбора: делать добро или не делать” [7, с. 48]. Значит, решение есть, но оно затрагивает, прежде всего, уровень личности, ее убеждений (осознанное предпочтение добра злу). Следовательно, необходимо включить в одну систему связей и отношений, с одной стороны, результаты интеллектуального анализа (ситуации в стране и прочих конкретных условий, связанных с проблемой преступления и наказания), а с другой – нравственный выбор личности между добром и злом. Для того чтобы выбор абсолютного (насколько это возможно в реальных условиях) добра попал в одну систему связи и отношений с максимально проанализированной реальной ситуацией необходимо, чтобы одна из них стала *психологической переменной*. Метод оказался ключевым для обнаружения отношения между мышлением и нравственной позицией (выбором или убеждением). Наиболее поразительным фактом оказывается момент интеллектуального открытия субъектом нравственной истины.

Существует несколько типов решения. Один из них назван “ортодоксальным” (или “безапелляционным”). Это тот случай, когда на предложенный вопрос у испытуемого есть свой, давно обдуманый ответ. Испытуемый лишь последовательно аргументирует свою точку зрения. Сколь бы протяженным ни было это изложение, процесса развития мысли здесь не наблюдается, предложенные подсказки остаются без внимания. Микросемантический анализ позволяет быстро обнаружить “безапелляционность”, и в этом случае он краток.

Интерес исследователей вызывает тип решения, названный “колеблющимся”. Протокол такого типа наиболее полно позволяет обнаружить, что именно для испытуемого в разные моменты (этапы) анализа становится психологической переменной. Если у “безапелляционного” типа вывод о допустимости смертной казни (“за убийство”) не подвергается сомнению, не становится психологической переменной, то “колеблющийся” тип внутренне открыт для подсказок (о ценности человеческой жизни и др.), т.е. для него эта проблема является именно *мыслительной* задачей. В процессе мышления в качестве психологической переменной используется одно из условий задачи (допустимость–недопустимость смертной казни), благодаря чему испытуемый начинает учитывать аргументацию о самооценности человеческой жизни.

Новые возможности микросемантического анализа открылись при применении его в нашем исследовании социальных представлений о нрав-

ственном идеале [9]. Так, для определения *ядра социальных представлений* обычно используют математическую процедуру, целью которой является выделение базовых, неизменных понятий, тогда как микросемантический анализ позволяет непосредственно в тексте выявить неизменные (константные) образования без использования специальных математических процедур. Однако обязательным условием применения микросемантического анализа является создание в исследовании условий для фиксации *процессуальных характеристик* развития мысли испытуемого или респондента. Такие условия были созданы в работе Н.Д. Елисеевой, применившей методику клинического интервью для исследования социальных представлений якутов о нравственном человеке. Анализ записей интервью позволил увидеть, что, отвечая на вопросы интервьюера, положительные якуты обходят тему обсуждения или осуждения другого человека, т.е. они согласны рассуждать на тему нравственности, но только если при этом они, пусть и заочно, не унижат личность знакомого или не знакомого человека [12].

Применение микросемантического анализа к записям клинического интервью позволило обнаружить такое центральное, ядерное этнокультурное образование менталитета якутов, как запрет на осуждение (словом или даже мыслью) другого лица.

По нашим наблюдениям, наиболее перспективным оказалось применение микросемантического анализа к изучению процессов, происходящих в морально-нравственной сфере. В проведенном нами в 1980-х годах экспериментальном исследовании решения моральных задач детьми качественный (микросемантический) анализ полученных протоколов позволил выявить факты, свидетельствующие о позитивной роли усвоенных ребенком моральных правил (запретов) в развитии его интеллектуальных возможностей [11]. Было показано, что решение моральных задач может быть связано с разной интенсивностью функционирования интеллекта, при этом использование неизменных моральных эталонов (заповедей), которые ни при каких условиях не становятся психологическими переменными, “вынуждает” интеллект функционировать на более высоком уровне, а личность – полнее использовать свой интеллектуальный потенциал.

Также была показана возможность применения микросемантического анализа к письменным текстам. Так, мини-сочинения, в которых подруги описывали “порядочного человека”, мы рассматривали в терминах задачи на тему морали [10]. Установлено, что работа совести (“совестный акт” – по И. Ильину [14]) носит характер немгновенного инсайта: внезапное осознание несоответствия своего поведения критериям “поря-

дочности” и готовность к его исправлению, отказ от осуждения другого человека (направленности мысли на рассмотрение примеров “непорядочных” поступков приятелей). В операционную схему сравнения включается не только мышление, но и личность, которая становится и *психологической переменной*.

Опишем подробнее данный пример для того, чтобы продемонстрировать условия и возможности проведения микросемантического анализа письменных текстов и суждений на нравственную тему.

На просьбу вспомнить знакомого человека, которого отвечающий может назвать “действительно порядочным”, 12-летний мальчик пишет (также как и Брушлинский в своем анализе мы пронумеруем каждую фразу): “(1) У меня нет порядочных друзей, я пишу правду. (2) Они все уже что-нибудь совершили плохое. (3) Например, мой друг В... (4) (густо зачеркнуто) (5) Я тоже, что-нибудь совершал плохое и очень плохое. (6) Например, дрался и даже иногда приносил телесные повреждения. (7) Но я (зачеркнуто) ненарочно. (8) Я сделал очень много нехорошего и злово (9), но я извиняюсь”. Сохраненная орфография позволяет видеть, что ребенок “неотличник”. Искренность тона его ответа не вызывает сомнения (“я пишу правду”), более того, он потрясен самим вопросом, и от фразы к фразе происходит бурное развитие его мысли. В первой фразе он отвечает на вопрос: у него нет друзей, которых можно назвать порядочными. Ответив таким образом, он вполне может освободить себя от необходимости отвечать дальше. Но он продолжает, и это говорит о том, что для подростка проблема не решена. Во второй фразе он ищет аргументы для подтверждения своего первого утверждения. Аргументы связаны с *поступком*. Наш вопрос касался поступка, *доказывающего*, что описываемый человек порядочный. Мальчик ищет сначала критерии того, почему людей *нельзя назвать* порядочными: когда они “уже что-нибудь совершили плохое”. Но и на этом не останавливается, обнаруживая потребность доказать, аргументировать свой ответ (в этом сказывается его заинтересованность темой, можно сказать, потрясение от такой постановки вопроса). В третьей фразе он пытается привести конкретный пример плохого поступка, совершенного “другом В.”, но (4) сам себя останавливает, густо зачеркивая написанное. Этот момент является поворотным. Если во фразах с (1) по (3) образец порядочности не обнаруживается вовне, в окружении подростка, то зачеркивание фразы, уточняющей, что именно плохого совершил В., меняет направленность поиска. От поиска вне себя ребенок обращается к себе самому: (5) “Я тоже, что-нибудь совершал плохое и очень плохое”. Это настоящий инсайт – вместо ответа: “я не знаю порядочных людей, так как

моих знакомых нельзя назвать порядочными по таким-то и таким-то критериям”, – неожиданно возникает иная система связи: порядочность и *он сам*. Те же критерии, по которым подросток в первых фразах пытался судить о порядочности своих друзей, он применяет к себе (шестая фраза). В седьмой фразе делается мучительная (зачеркивания!) попытка оправдаться (“ненарочно”), но отбрасывается. Начавшийся инсайт определяет направленность анализа *на себя*, свое поведение, и здесь уже нет зачеркиваний: (8) “Я сделал очень много нехорошего и злово”. Слово найдено: “зло”. Двенадцатилетний мальчик открывает четкую границу нравственного (“порядочного”) и безнравственного (“непорядочного”): это граница между добром и злом. Такое понимание онтологической сущности нравственности человека при осознании в то же время своей причастности злу, а не добру приводит к продолжению инсайта (или к новому инсайту?): мальчик выражает свою готовность исправиться (словами “извиняюсь” он разрывает связь со злом и обнаруживает готовность отказаться от своих плохих дел).

Микросемантический анализ позволяет “уловить”, сделать *психологическим фактом*, доступным рассмотрению миг неразрывного единства мышления и личности. Нами было показано, что относительно продолжительный по времени *немгновенный* инсайт в процессе решения математической, физической или любой другой задачи преобразует личность испытуемого. На две-три минуты он становится уверенным, независимым от поддержки или оценки со стороны (экспериментатора), блистателен в своих суждениях, у него доминируют мотивы специфически познавательного характера [16].

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДА

Микросемантический анализ, разработанный А.В. Брушлинским, открывает перед исследователями возможность приблизиться к пониманию тех объективных законов, которые управляют *процессом* зарождения и развития мысли. Оказалось, что метод можно применять не только к записям устных рассуждений испытуемых (“мышления вслух” – по традиции, идущей от гештальтпсихологов), но и к письменным текстам, включая лучшие образцы великой русской литературы. Речь идет о произведениях А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других писателей XIX в.

Русская литература, по мнению Д.С. Лихачева, являясь наследницей традиций древнерусской литературы [15], отразила духовную устремленность молодого христианского народа, поставившего в центр своих мировоззренческих устоев нравственный закон Нового Завета. И, в значительно изменившейся форме, впитав и “перева-

рив” по-своему жанр французского романа, она сохранила в себе значение мощного явления жизни нравственной. Микросемантический анализ применительно к художественным текстам в этом случае позволяет выявлять те безусловные законы нравственной жизни, которые определяют непрерывность психического как процесса в неразрывном взаимодействии всех его составляющих.

На примере романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” нами было показано, что захват человека разрушительной для его личности мыслью происходит постепенно и этот процесс соответствует святоотеческому пониманию законов “невидимой брани” – борьбы с помыслами [9].

“Преступление и наказание” является одной из первых попыток Достоевского разобраться в том, как же происходит захват человека ложной идеей. Для обоснования правомерности проводимого нами анализа и сделанных на его основе выводов обратимся к одной из ранних работ М.М. Бахтина, посвященных творчеству Достоевского. Мы не будем здесь останавливаться на выводе философа и литературоведа о диалогичности (“полифоничности”) произведений писателя. Для нас важными являются мысли Бахтина о роли сознания в понимании сюжетов Достоевского. Бахтин пишет: “...то, что должно быть раскрыто и охарактеризовано, является не определенным бытием героя, не его твердым образом, но последним итогом его сознания и самосознания, в конце концов – последним словом героя о себе самом и о своем мире” [1, с. 57]. Он говорит о том, что “всепоглощающему сознанию героя” автор противопоставляет лишь “объективный мир других равноправных с ним сознаний”: “Герой Достоевского не только слово о себе самом и о своем ближайшем окружении, – но и слово о мире: он не только сознающий, – он – идеолог” [там же, с. 73].

В художественном мире Достоевского, по мысли Бахтина, идея торжествует “над всяким твердым и устойчивым нейтральным образом”. При этом писатель всегда сохранял дистанцию с выраженной идеологией: “Достоевский, говоря парадоксально, мыслил не мыслями, а точками зрения, сознаниями, голосами. Каждую мысль он стремился воспринять и сформулировать так, чтобы в ней выразился и зазвучал весь человек и *implicite* все его мировоззрение от альфы до омеги. Только такую мысль, сжимающую в себе цельную духовную установку, Достоевский делал элементом своего мировоззрения; она была для него неделимой единицей; из таких единиц слагалась уже не предметно-объединенная система, а конкретное событие организованных человеческих событий и голосов” [там же, с. 85].

В такой трактовке становится понятным, почему имя Достоевского включено в курс истории отечественной философии. Подобно “умозрению в красках” древнерусской иконописи, по мысли князя Евгения Трубецкого, творчество великого русского писателя является “умозрением в художественных образах”, а поступки и размышления героев служат выражению идеи, имеющей определяющее значение для развития российского самосознания. У идеи, взятой за основу “Преступления и наказания”, в дальнейшем творчестве Достоевского будет продолжение (в романе “Бесы”). Доверяя гению Достоевского, мы обратились к его роману “Преступление и наказание” как к истории “заболевания” и постепенного, очень трудного и мучительного исцеления героя.

В святоотеческой традиции (с которой хорошо был знаком Достоевский) существует веками отточенный навык обращения с мыслями (помыслами). У преподобного Нила Сорского (жившего в XV в.) так написано о пути, каким мысли овладевают человеком: “Святые отцы учат, что мысленная брань или борьба, сопровождаемая победой или поражением, происходит в нас различно: сперва возникает представление помысла или предмета – прилог; потом принятие его – сочетание; далее согласие с ним – сложение; за ним порабощение от него – пленение; и, наконец, – страсть”³. Только с момента согласия (“сочетания”) начинается ответственность человека за принятую мысль. Затем следуют две стадии порабощения этой мыслью, причем при “пленении” еще есть возможность с помощью значительного усилия избежать порабощения, а “страсть” уже требует воплощения мысли в деле. В случае Раскольникова “делом” оказывается убийство, когда герой действует не как личность, обладающая свободой воли, а как безвольный механизм: происходит то, что мы условно назвали “антиинсайтом” [9].

То, что речь действительно идет о безусловных законах духовно-нравственной жизни, можно показать, применив микросемантический анализ к главному поэтическому произведению М.Ю. Лермонтова “Демон”⁴. Мысль героини – Тамары – улавливается, а затем и управляется демоном – существом духовным, обладающим способностью принимать разные очертания в привычном для нас мире. Однако за границей этого мира, как замечает поэт, “одежд” нет, и сущность каждого обнажается.

³ Преподобный Нил Сорский. Устав о скитской жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 17.

⁴ Дмитрию Мережковскому принадлежит интересное различение наших великих писателей: Л.Н. Толстого философ назвал “душевым”, а М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского – “духовными” авторами.

“Но, Боже! – кто б его узнал?!/Каким смотрел он злобным взглядом,/Как полон был смертельным ядом/Вражды, не знающей конца, –/И веяло могильным хладом/От неподвижного лица” (М.Ю. Лермонтов. “Демон”. Ч. XVI).

Вступив в диалог (“собеседование”) с этой злой силой (“Скажи, *зачем* меня ты любишь?”), Тамара была обречена на поражение (“*На сердце, полное гордыни,/Я наложил печать мою*”). Просьба о помощи, обещания сделать “царицей мира”, много лести и обмана – потоки заманчивой лжи, точно отвечающей сокровенным мечтаниям героини, позволяют увидеть действие “страсти” в святоотеческом ее понимании, т.е. как смертельно (в прямом смысле слова) опасного для личности духовно-нравственного состояния.

Перспективы применения микросемантического анализа связаны с возможностью познавать нравственный закон в его конкретных проявлениях. Великая русская литература благодаря своей уникальной истории и традициям дает возможность увидеть существование неразрывной связи между преступлением (нравственного закона) и наказанием (душевым страданием, большой совестью).

Перспектива применения микросемантического анализа обозначена в работах А.В. Брушлинского и связана с дальнейшей операционализацией приемов метода. Данная работа требует своего продолжения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Микросемантический анализ, согласно идеям его основателя, является качественным, “континуально-генетическим” [4] методом, направленным на изучение непрерывного процесса порождения и развития мысли.

Разработанный в русле концепции и научной школы С.Л. Рубинштейна, этот вид качественного анализа основан на лучших традициях исследования мышления в мировой и отечественной психологии.

С помощью микросемантического анализа А.В. Брушлинскому удалось выделить микродвижения мысли испытуемого и обнаружить моменты особой интенсивности развития мысли, получившие название немгновенного инсайта.

А.В. Брушлинским и его учениками были исследованы процессы прогнозирования искомого, закономерности порождения познавательных мотивов внутри самого мыслительного процесса, взаимосвязь психологических и логических характеристик мышления. Показано, что с помощью микросемантического анализа можно исследовать глубинные связи мышления и личности, мышления и общения, закономерности интерпретации текста.

Применение микросемантического анализа позволило говорить о принципиальной ограниченности результатов тестового обследования мышления, так как при тестовом обследовании фиксируется лишь “ответ”, а мыслительный процесс нельзя свести к выбору ответа.

Границы применения микросемантического анализа постепенно расширяются, и мы прогнозируем этому перспективному виду качественно-анализа большое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929.
2. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979.
3. *Брушлинский А.В.* Мышление как процесс и тесты диагностики интеллекта // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности / Отв. ред. К.А. Абульханова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 28–33.
4. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Отв. ред. В.В. Знаков. СПб.: “Алетейя”, 2003.
5. *Брушлинский А.В., Воловикова М.И.* О мышлении как прогнозировании // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 31–40.
6. *Брушлинский А.В., Поликарпов В.А.* Мышление и общение. Минск, 1990.
7. *Брушлинский А.В., Темнова Л.В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1993. С. 45–56.
8. *Воловикова М.И.* Познавательная мотивация в процессе решения мыслительных задач: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1980.
9. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004, 2005.
10. *Воловикова М.И., Гренкова Л.Л.* Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997. С. 93–111.
11. *Воловикова М.И., Ребеко Т.А.* Соотношение когнитивного и морального развития // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова-Славская. М.: “Наука”, 1990. С. 81–87.
12. *Елисеева Н.Д.* Культурологические особенности социальных представлений народа Саха о нравственном человеке: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.
13. *Есенгазиева Б.О.* Силлогизм и психологический анализ мышления: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1981.

14. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
15. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
16. Мышление: процесс, деятельность, общение/Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: Наука, 1982.
17. Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения / Под ред. С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
18. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
19. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
20. Селиванов В.В. Взаимосвязь когнитивного стиля и процессуальных характеристик мышления: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
21. Славская А.Н. Личностные особенности интерпретации субъектом авторской концепции: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1993.
22. Славская К.А. Мысль в действии. М., 1968.

THE HISTORY OF ELABORATION AND POSSIBILITIES OF MICROSEMANTIC ANALYSIS APPLICATION

M. I. Volovikova

Sc.D. (psychology), professor, leading research assistance, Psychological Institute of PAS, Moscow

The history of microsemantic analysis creation by A.V. Brushlinsky is stated. Techniques are summarized, the main achievements and possible perspectives of the given method application are described.

Key words: microsemantic analysis, psychic as a process, psychology of thinking, personality, psychological variable, psychological constant, operating scheme of comparison, "intention".